

**Representations on the role of external actors in the Libyan conflict
in the modern expert and analytical community of Turkey
(the case of SETA materials)**

**Представления о роли внешних акторов в ливийском конфликте
в современном экспертно-аналитическом сообществе Турции
(на примере анализа материалов SETA)**

*Лукьянов Григорий Валерьевич¹,
Кулиева Нубара Салман кызы²*

*¹Институт востоковедения Российской
Академии Наук, Москва, Россия*

*²Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики,
Москва, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
gvlukyanov@gmail.com*

*Grigory V. Lukyanov¹,
Nubara S. Kuliyeva²*

*¹Institute of Oriental Studies of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*²National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia*

*Corresponding author:
gvlukyanov@gmail.com*

УДК ??? | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127)

АННОТАЦИЯ

Активизация политики Турции в отношении ливийского конфликта после эскалации вооруженного противостояния в апреле 2019 г., ознаменованная подписанием с Правительством национального согласия в Триполи двух меморандумов: «О взаимопонимании в области безопасности и военного сотрудничества» и «По вопросу разграничения морских границ в Восточном Средиземноморье» — сформировала новый баланс сил и укрепила экономические и политические позиции Анкары не только в Ливии, но и во всем средиземноморском

ABSTRACT

The intensification of Turkey's policy towards the Libyan conflict after the escalation in 2019, marked by the signing of two memorandums with the Government of National Accord in Tripoli: "On mutual understanding in the field of security and military cooperation" and "On the issue of demarcation of maritime borders in the Eastern Mediterranean" formed a new balance of power and strengthened Ankara's position not only in Libya, but throughout the Mediterranean region. Against this background, the attention of the Turkish expert and analytical community

регионе. На этом фоне значительно выросло внимание экспертно-аналитического сообщества Турции к изучению интересов, инструментов и пределов возможностей внешней политики других международных акторов, вовлеченных в ливийский конфликт.

В рамках статьи представлен обзор и предпринята попытка элементарного историографического анализа существующих в современном экспертно-аналитическом сообществе Турции представлений о роли внешних акторов в ливийском конфликте в свете ключевых интересов и целей турецкой внешней политики.

Исследование построено на основе и результатах анализа материалов академического и экспертно-аналитического характера преимущественно на турецком и английском языках. При написании статьи были привлечены аналитические материалы турецкой «фабрики мысли» SETA, посвященные политике иностранных государств в Ливии.

Авторы приходят к выводу о том, что в целом политика, проводимая иностранными государствами в Ливии, характеризуется турецкими экспертами как неэффективная и деструктивная, ввиду существующих в их позиции противоречий и ориентации на максимизацию промежуточных выгод, а не конечное урегулирование конфликта. Исключением является лишь Италия, позиция которой расценивается турецкими экспертами как наиболее близкая к турецкому подходу к ливийскому конфликту. При этом турецкие исследователи подчёркивают раздражение внешних акторов активизацией турецкой политики в Ливии,

to studying the interests, tools and limits of the foreign policy capabilities of other international actors involved in the Libyan conflict has increased significantly.

The article provides an overview and an attempt at a basic historiographical analysis of the existing ideas in the modern expert and analytical community of Turkey about the role of external actors in the Libyan conflict in the light of the key interests and goals of Turkish foreign policy.

The study is based on the results of the analysis of academic and expert-analytical materials mainly in Turkish and English. When writing the article, analytical materials from the Turkish “thought factory” SETA were used on the policies of foreign states in Libya.

The authors come to the conclusion that, in general, the policies pursued by foreign states in Libya are characterized by Turkish experts as ineffective and destructive, due to the contradictions existing in their positions and their focus on maximizing intermediate benefits, rather than the final resolution of the conflict. The only exception is Italy, whose position is regarded by Turkish experts as closest to the Turkish approach to the Libyan conflict. At the same time, Turkish researchers emphasize the irritation of external actors with the intensification of Turkish policy in Libya, especially after 2019, which may become an obstacle not so much to the implementation of the goals of Turkish policy as to the resolution of the conflict.

Keywords: Türkiye, Libya, SETA, Libyan conflict, external actors, think tank.

For citation: Lukyanov G.V., Kulieva N.S. Representations on the role of external actors in the Libyan conflict in the modern expert and

в особенности после 2019 г., что может стать преградой не столько на пути реализации целей турецкой политики, сколько урегулирования конфликта.

Ключевые слова: Турция, Ливия, SETA, ливийский конфликт, внешние акторы, аналитический центр.

Для цитирования: Лукьянов Г.В., Кулиева Н.С. Представления о роли внешних акторов в ливийском конфликте в современном экспертно-аналитическом сообществе Турции (на примере анализа материалов SETA). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 111-127 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127>

analytical community of Turkey (the case of SETA materials). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 111-127 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127>

Введение

Стремительный рост количества научно-исследовательских аналитических центров в мире (thinktanks) пришёлся на период 90-х годов, а основным ареалом распространения их деятельности стали страны Запада, в первую очередь — США, где данный феномен экономики знаний получил максимальное развитие и дифференциальное распространение. При этом во многих странах мира стихийно возросла роль институтов гражданского общества, а также начался процесс интернационализации политических и экономических процессов, требующих квалифицированного информационного и аналитического сопровождения. Все это обусловило активное вовлечение данных центров в процесс подготовки и даже принятия политических решений (Kanbolat, Karasar 2009, 91).

Турцию данные процессы затронули лишь с началом 2000-х гг., чему способствовал ряд объективных предпосылок. Прежде всего это результат последовательной имплементации начатых еще в 1990-х гг. комплексных преобразований юридической базы и экономической системы, направленных на ускорение процесса вступления Турции в Европейский Союз (ЕС), а также приход к власти под лозунгами демократизации, а также повышения качества и ответственности политического управления Партии справедливости и развития (ПСР). В данном контексте в Турции были осуществлены комплексные реформы в целях приведения внутреннего законодательства в соответствии с Копенгагенским критериям. Это касалось также демократизации политического режима и трансформации политической системы, в рамках которой уделялось повышенное

внимание роли гражданского общества в политическом процессе (Ustun, Kanat 2019, 407).

Наряду с растущими финансовыми и нормативными возможностями, обусловленными активизацией сотрудничества с ЕС, немаловажную роль сыграли изменения во внешней политике страны, последовавшие чуть позже. Имплементация новой внешнеполитической модели требовала соответствующего аналитического сопровождения и создания кадровой базы для продвижения турецкой политики в регионах, ранее не входивших в зону интересов Турции (прежде всего БВСА) (Babur 2022, 173).

Более того, пришедшая к власти и являющаяся достаточно молодой новая политическая элита испытывала нехватку в профессионально-подкованных и идеологически близких приверженцах, способных продвигать проправительственные нарративы как внутри страны, так и на внешнеполитических и международных площадках. Платформой для их развития и стали аналитические центры. Важную роль в этом процессе сыграли такие личности, как А. Давутоглу¹ и А. Гюль², способствовавшие привлечению представителей исследовательских центров к аналитическому обеспечению внешней политики государства.

Согласно данным Global Go To ThinkTank Index Report 2020 Турция занимает 3-е (после Ирана и Израиля) среди стран Ближнего Востока и Северной Африки место по количеству активных исследовательских центров (McGann 2021, 47). Их количество по состоянию на 2020

г. оценивается как 53, не считая университеты и государственные подразделения. В число лучших исследовательских центров мира по мнению Global Go To ThinkTank Index Report 2020 входят два турецких — Турецкий фонд экономических и социальных исследований (TESEV, 79/174), а также Ассоциация либерального мышления (ALT, 90/174) (McGann 2021, 69). Однако на сегодняшний день наиболее влиятельным с точки зрения масштаба деятельности и уровня вовлеченности в процесс принятия политических решений в стране представляется Фонд политики, экономики и социальных исследований (Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, SETA) (Gürpınar, Aydın 2022, 8; Кудаяров 2023, 120).

С ростом конфликтного потенциала в регионе БВСА после «арабской весны» произошло переосмысление необходимой степени вовлеченности Турции в региональные процессы, особенно военно-политические конфликты. Управление конфликтами превратилось в эффективный инструмент усиления роли Турции на региональной и мировой арене. Сегодня Турция позиционирует себя как глобального игрока с влиянием сразу на нескольких приоритетных направлениях: исламском, постосманском и тюркском/постсоветском. Успех турецкой политики в Ливии после ее активизации в 2019 г. стал примером формирующейся переходной модели ближневосточной политики Турции после «арабской весны» с усиленным фокусом внимания на Восточном Среди-

¹ Занимал пост премьер-министра (28 августа 2014 — 22 мая 2016) и министра иностранных дел (1 мая 2009 — 28 августа 2014) Турецкой Республики.

² Занимал пост президента (28 августа 2007 — 28 августа 2014), министра иностранных дел (14 марта 2003 — 28 августа 2007) и премьер-министра Турецкой Республики (18 ноября 2002 — 14 марта 2003).

земноморье и использовании гибридных инструментов присутствия в регионе.

Целью данной статьи является анализ представлений современного экспертно-аналитического сообщества Турции о роли внешних акторов в ливийском конфликте и обоснование их места в турецком политическом дискурсе по ливийской проблематике.

О деятельности SETA

Фонд политических, экономических и социальных исследований (SETA) был создан в 2006 г. Деятельность Фонда реализуется по 10 основным тематическим направлениям: 1) внутренняя политика, 2) внешняя политика, 3) экономика, 4) общество и медиа, 5) безопасность, 6) право и права человека, 7) стратегические исследования, 8) образование и социальная политика, 9) европейские исследования и 10) энергетика (SETA 2023). В рамках каждого из направлений выделяются более частные вопросы. Например, в рамках раздела по внешней политике существуют региональные направления, в том числе европейское, ближневосточное, балканское и т. д.

Офисы SETA осуществляют деятельность в Стамбуле, Анкаре, Берлине, Брюсселе и Вашингтоне. На базе Фонда издается несколько журналов, в том числе «Insight Turkey» (на английском), «Ru'ye Türkiyye» (на арабском) и «Kriter» (на турецком). Среди мероприятий,

организуемых SETA, стоит отметить тематические панельные дискуссии, проводимые в онлайн и офлайн формате, записи которых размещаются на официальном сайте. Фонд публикует различные материалы, представленные в виде комментариев, видеоотчетов, инфографики, новостей, подкастов и коротких заметок/мнений, не оформленных в форме аналитических докладов. Среди основных видов представления аналитических материалов выделяются отчеты/доклады (rapor), аналитические заметки (analiz), обзоры (perspektif) и книги. Ключевые различия представленных форматов — объем, частота их публикации, стиль изложения, актуальность рассматриваемого вопроса и глубина проработки поставленной проблемы.

Анализ информации, представленной на сайте SETA, позволил выявить, что кадровый состав Фонда в конце 2023 г. составлял 56 человек (SETA 2023). Сотрудниками Фонда являются как академические исследователи, так и общественные деятели (в т. ч. публичные политики и отставные государственные чиновники), а также те, кто совмещают два этих направления деятельности. На этапе первичного анализа материалов были выделены имена основных специалистов SETA, фокусирующихся в своих публикациях на ливийской проблематике. Это, прежде всего, Эмрах Кекилли³ и Ючель Аджер⁴ (SETA 2023) с наибольшим количеством

³ Получил степень бакалавра в Университете Мармара (Турция) в 2009 году. После получения степени магистра в Университете Билги (Турция) начал работу над докторской диссертацией в Университете Фатиха Султана Мехмета (Турция). Являлся сотрудником SETA.

⁴ Является профессором международного права в Анкарском университете Йылдырыма Беязыта (Турция). Получил степень бакалавра в Анкарском университете (Турция), степень магистра в Университете Шеффилд (Великобритания) и докторскую степень в Бристольском Университете (Великобритания). Является штатным сотрудником SETA. Является специалистом в области международного права.

публикаций по ливийской проблематике. При этом Э. Кекилли долгое время являлся штатным сотрудником SETA. Однако, несмотря на сохранение аффилиации с Фондом и наличие его публикаций на сайте до 2021 г., на момент 2023 г. Э. Кекилли не представлен в разделе штатных сотрудников SETA, а страница с информацией о нем на сайте организации пуста (SETA 2023).

Помимо авторов, активно и последовательно писавших по ливийской тематике, также существует ряд исследователей менее активных в публикации докладов и сфокусированных на иных форматах освящения ливийского досье, которые мы не затрагивали в рамках данной статьи (краткие комментарии на сайте, дискуссии и т. д.). К таким авторам можно отнести, например, Вейсея Курта (Istanbul Medeniyet Üniversitesi 2023), Мурата Аслана (SETA 2023) и ряд других кадровых сотрудников SETA. Форматы, не задействованные при написании статьи, преимущественно являются менее информативными и конъюнктурными, нежели используемые формы докладов/отчетов, аналитических заметок, обзоров и книг. Также они представлены в качестве коротких текстовых заметок или видео и аудиоматериалов, а не структурированных аналитических текстов.

Руководители Фонда отрицают их прямую связь с ПСР и финансирование со стороны политического руководства страны. Однако учитывая, что система финансового обеспечения такого рода организаций не является в достаточной степени прозрачной и ввиду особен-

ностей политики Фонда, а также в силу действующего законодательства, принято считать, что SETA если не близка, то, как минимум, весьма лояльна действующему политическому руководству Турции (Arin 2015, 5). Более того Фонд занял 32-е место в списке мировых «фабрик мысли», аффилированных с политическими партиями, согласно Global Go To ThinkTank Index Report 2020 (McGann 2021, 270).

К тому же в аналитических разработках и турецкой политической публицистике зачастую особое внимание уделяется вопросу связей бывших и нынешних сотрудников и руководителей Фонда с правящей партией, а также лично с президентом Р. Т. Эрдоганом через членов его семьи и ближайшего окружения (Özkan 2020, 228). К такой категории сотрудников относят, например, первого руководителя SETA, И. Калына, в 2023 г. ставшего главой Национальной разведывательной организации Турции, а ранее являвшегося официальным представителем президента Р. Эрдогана. Или действующего руководителя Фонда Б. Дурана, являющегося членом президентского Совета по безопасности и внешней политики. Данному аспекту патронажа и контроля государства над деятельностью аналитических центров даже была посвящена книга М. Агырэля «Спираль» («Sarmal») (Ağırel 2021), в которой был поднят вопрос истоков современной политической системы и генезиса элиты современной Турции. В книге была проанализирована структура и деятельность SETA как одного из ведущих аналитических центров в стране, идеологически близких к правящей партии. Книга способствовала укреплению восприятия

SETA как инструмента пропагандистской политики, ориентированного на закрепление положительного имиджа партии и правительства и продвижение избранного ими курса.

Тем не менее SETA на сегодняшний день является одним из наиболее активных и последовательных турецких исследовательских центров, который продуцирует качественную аналитику высокого уровня. Это дает Фонду возможность выступать не только инструментом государственной пропаганды, но и одним из центров, влияющих на механизм выработки внешнеполитических решений путем обеспечения информационной и аналитической поддержки деятельности государства и бизнеса. Также наличие в руководящем составе SETA лиц, приближенных к правящей элите или являющихся её частью, дает Фонду уникальные возможности оперативно и напрямую доносить свои рекомендации до высшего политического руководства страны.

Эмпирическая база исследования

В рамках данной статьи были проанализированы материалы SETA, представленные на официальном сайте Фонда в форме отчетов (rapor), аналитических заметок (analiz), обзоров (perspectif) и книг. В частности, по ливийской проблематике, были рассмотрены материалы, объединенные и представленные как «Ливийское досье» (Libya Dosyalari). В его состав входит 16 аналитических докладов: 7 аналитических заметок (analiz), 9 обзоров (perspectif) и 1 книга, опубликованные за период 2017–2021 гг. Помимо это, были привлечены материалы указанных форматов по ливийской

проблематике, не включенные в Досье — 4 аналитических заметки, 2 обзора, 1 отчет и 2 книги, представленные на сайте Фонда начиная с 2014 г.

Политика иностранных государств в Ливии

Одной из основных областей интереса современного экспертно-аналитического сообщества Турции по вопросу ливийского кризиса является роль и значение внешних акторов. Политике наиболее значимых в контексте Ливии региональных и глобальных внешних игроков посвящены отдельные доклады (Ataman, Karaduman 2020; Boyraz 2020; Meşe 2020; Güngörmez 2020; Faytre 2020; Alkanat 2020; Duran, Ataman 2020; Kekilli 2016) с анализом их позиций, мотивов, целей и общей сущности проводимой политики.

Стоит начать с выделенных исследователями групп государств, так или иначе вовлеченных в конфликт. В первую очередь, это касается **Европейского союза (ЕС)** как единого актора, а также его отдельных членов как самостоятельных игроков, обладающих разными интересами и способностью влиять на ситуацию в Ливии. Авторы делали акцент на том, что ввиду отсутствия единой четкой позиции объединения из-за внутренних разногласий, его наиболее заинтересованными в сложившейся в Ливии ситуации членами являются Франция и Италия. Отмечалось, что в результате их несогласованных действий и неспособности ЕС гармонизировать интересы отдельных стран-членов, объединение упустило возможность закрепления за собой роли значимого и эффективного игрока

(Alkanat 2020, 7). Среди основных интересов ЕС в Ливии — такие вопросы, как энергетическая безопасность, миграционный вопрос и международная торговля. С точки зрения турецких исследователей вопрос энергетики представлялся наиболее критическим для европейских государств, так как Ливия до начала кризиса 2011 г. являлась одним из основных поставщиков энергоресурсов в Европу из числа стран ОПЕК, обеспечивающей порядка 40% всего европейского импорта энергоносителей (Alkanat 2020, 3). Не менее важным для ЕС являлся вопрос нелегальной миграции в Европу африканских беженцев, в составе которых зачастую оказывались представители террористических и экстремистских группировок. В данном случае Ливия представлялась одним из основных транзитных пунктов, от стабильности на территории которого напрямую зависела безопасность ЕС. Одной из основных функций ЕС в рамках конфликта декларировалась посредническая деятельность, которая, однако, потерпела крах ввиду противоречивого столкновения официальной позиции объединения по признанию Правительства национального согласия (ПНС) как официального представителя ливийского народа с фактической поддержкой Ливийской национальной армии (ЛНА) под руководством военачальника Х. Хафтара. Это выразилось прежде всего в пассивной реакции на действия Х. Хафтара, направленные на установление военно-политического контроля над всей территорией страны, как в 2014 г., так и в 2019 г.

Таким образом, исследователи SETA утверждали, что ЕС как единый организм не

имел потенциала влияния в контексте как конфликтного, так и постконфликтного урегулирования в Ливии. Что касается стран-членов ЕС, наиболее сильно вовлеченных и заинтересованных в ливийском конфликте, а именно **Франции** и **Италии**, то турецкие исследователи отмечали столкновение интересов данных игроков, обострившееся после 2019 г. Обе страны имели достаточно сильные исторические и экономические связи с Ливией. Однако, несмотря на то что они рассматривали ливийский конфликт в контексте обеспечения энергетической безопасности и защиты интересов своих национальных нефтяных компаний, приоритеты стран различались.

Для Франции Ливия имела важное значение, прежде всего, с точки зрения поддержания находящегося в состоянии упадка геополитического влияния Парижа в регионе. Этот интерес обуславливал статус Франции как одного из идейных вдохновителей военной интервенции международной коалиции в Ливию. Кроме того, он же объяснял, почему Франция продолжала играть заметную роль в зоне конфликта, несмотря на все неудачи и допущенные ошибки. При этом несмотря на то, что Франция выражала активную поддержку начавшейся в регионе демократической волны в контексте начала «арабской весны», она продолжает поддерживать сильных секулярных военных лидеров в странах региона (Faytre 2020, 4). В случае с Ливией это Х. Хафтар, которого она видела в качестве гаранта интересов французских компаний и государства в Ливии. При этом если при Ф. Олланде эта поддержка носила более скрытый характер, то при с приходом к власти

Э. Макрона она приобрела очевидно более яркое выражение. Политика Елисейского дворца в Ливии отражала стремление Э. Макрона лишней раз заявить о Франции как о лидере ЕС и глобальном игроке. Франция активно призывала внешних акторов не вмешиваться в конфликт, сохраняя высокий уровень собственной вовлеченности, а также ведя двойную политику официальной поддержки признанного ООН режима и неофициального сотрудничества с Х. Хафтаром. В целом турецкие исследователи активно подчеркивали деструктивный характер французской политики в Ливии, считая ее одним из виновников сложившейся ситуации, которая способствовала сохранению хаоса в Ливии.

Что касается Италии, то в документах SETA отмечалось, что для официального Рима наибольшую важность в контексте ливийского кризиса представлял вопрос нелегальных мигрантов. Учитывая влияние неконтролируемой миграции на социально-экономическое развитие и безопасность Апеннинского полуострова, ливийский кризис не представлялся для Италии лишь проблемой африканской политики, а напрямую влиял на положение внутри самой европейской страны. При этом акцент делался на том, что для Италии являлось приоритетным достижение стабильности и порядка в Ливии, в условиях которого стало бы возможным дальнейшее возмещение полученного за период кризиса экономического ущерба (Güngörmez 2020, 2). Несмотря на стремление к политике равной удаленности от внутренних акторов, отмечалась фактическая поддержка итальянской стороной ПНС. При этом в целях достижения консенсуса имели место также контакты

с представителями режима Х. Хафтара. Также в рамках данного вопроса подчеркивался факт того, что Италия считала необходимой более активное и эффективное вмешательство ЕС в Ливию в качестве единого актора в целях более эффективного содействия урегулированию конфликтной ситуации и проведения комплексной посреднической миссии.

Важно также отметить, что представителями SETA хоть и в значительно меньшей степени, но все же уделялось внимание политике, проводимой **Великобританией** и **Германией** в Ливии. В случае Объединённого королевства, несмотря на активное вовлечение в начальный период развития конфликта в 2011 г., его дальнейшая политика в отношении Ливии характеризовалась турецкими исследователями как пассивная (Boygaz 2020, 3). Среди причин турецкие исследователи посчитали важным отметить отсутствие сильных исторических связей между странами, а также указали на ряд объективных факторов. В первую очередь, процесс выхода страны из Европейского союза заметно ограничил внешнеполитические возможности по проецированию собственного влияния и заставил пересмотреть приоритеты и ключевые принципы собственной внешней политики. В этом контексте основное внимание страны было приковано к внутренним проблемам, всплывшим на фоне Брексита и процессу стабилизации отношений с ЕС. Более того, Великобритания «отдавала предпочтение» сирийскому конфликту, считая ливийский кейс менее перспективным, проблематичным, а потому неперспективным с точки зрения урегулирования для того, чтобы затрачивать на него

серьезные ресурсы и усилия. К тому же, основные проблемы, которые представлял ливийский кризис для стран ЕС, а именно нелегальная миграция и спад объемов торговли, не представлялись столь актуальными и значимыми для Королевства ввиду отсутствия развитой сети устойчивых торговых отношений с Ливией до начала кризиса, а также отдаленного расположения страны от непосредственной зоны конфликта. При этом, несмотря на минимальную вовлеченность Великобритании в процесс ливийского урегулирования, официально она поддерживала ПНС в рамках переходного процесса в стране, подтверждая это на деле, а потому сотрудничество с Лондоном могло бы быть полезным для Турции в её собственной ливийской политике. Однако исследователями отмечалась высокая вероятность поддержки Королевством и иных акторов, в случае достижения ими успеха в рамках сложившейся ситуации конкурентной борьбы за власть.

В случае с Германией турецкие исследователи отмечали затяжной период безучастности страны к ливийскому конфликту. Начиная с его зарождения и интервенции международной коалиции в Ливию, по решению которого Германия воздержалась от голосования в качестве непостоянного члена Совбеза ООН и вплоть до реализации инициативы Берлинской конференции. Однако несмотря на то, что за почти восьмилетний период кризиса в Ливии Германия не сумела завоевать какой бы то ни было значимый статус вопреки декларируемому стремлению участвовать в многостороннем процессе посредничества на равне с ООН и иными международными организациями.

Она все же закрепила за собой позицию страны нейтральной и равноудаленной от всех враждующих сторон. По этой причине инициатива Берлина о созыве широкой международной конференции по Ливии в 2020 г. изначально не столкнулась с критикой и несогласием ведущих акторов, вовлеченных в ливийский конфликт. При этом в качестве одного из основных мотивов активизации политики Германии по ливийскому вопросу рассматривался также миграционный вопрос, который чреват тяжелыми для Германии и ЕС в целом последствиями как в политической, так в социально-экономической сфере (Meşe 2020, 3). Однако, несмотря на большие надежды, возложенные германской стороной на берлинский процесс, по мнению турецких наблюдателей, он фактически потерпел крах и не принес значительных результатов и изменений динамики в процессе ливийского урегулирования. В качестве одной из основных причин этого исследователи SETA отмечали факт не вовлеченности главных акторов конфликта в лице Х. Хафтара и Ф. Сарраджа. Формальное присутствие военачальника и признанного международным сообществом премьер-министра на конференции в Берлине в равном статусе привело к уравниванию официального правительства страны и «путчистов» (Meşe 2020, 6) ЛНА и как следствие только усилило проблемы легитимности действующих акторов в Ливии. Более того, по мнению турецких аналитиков, Берлинская конференция еще раз подтвердила ведущую роль Турции в Ливии, невозможность изолирования Анкары в контексте урегулирования и достижения существенного результата миротворческих усилий

без её полноценного участия.

Что касается содержания и итогов Декларации, принятой по окончании конференции, то тут турецкие эксперты заострили внимание на двухосновных аспектах. Во-первых, на том, что благодаря активной политике Турции в рамках соглашения было фактически признано новое соотношение сил внутри страны и границы влияния сторон конфликта. Во-вторых, в условиях широкой поддержки фигуры Х. Хафтара внешними игроками его статус во многом был трансформирован из нелегального актора до официальной стороны конфликта. При этом, в контексте протекания Берлинского процесса стало понятно, что политическое урегулирование ливийского конфликта возможно лишь при сбалансированном соотношении военных сил внутри страны. Однако турецкое экспертное сообщество подчеркивало, что Турция рассматривает лишь политическое решение вопроса, в котором военное вмешательство являлось лишь инструментом установления баланса, необходимого для осуществления политических инициатив и обеспечения гарантий соблюдения достигнутых договоренностей.

Таким образом, турецкими исследователями ярко подчеркивался в целом неэффективный и даже деструктивный характер политики, проводимой как ЕС в целом, так и отдельными европейскими странами в Ливии ввиду как отсутствия четкости и единства позиций по данному вопросу, так неверности оценок ситуации в стране. При этом было принято во внимание, что все перечисленные страны выразили крайнюю озабоченность и неприязнь активизации Турции в Ливии, особенно в свете соглашений,

подписанных в 2019 г. между Анкарой и ПНС в Триполи. В перспективе рассматривалась возможность сотрудничества лишь с Италией, как страной с наиболее нейтральной, взвешенной и стабильной в течение продолжительного периода времени позицией по ливийскому вопросу среди европейских стран.

Еще одна группа государств, политике которых уделялось значительное внимание турецкими исследователями – это монархии Персидского залива. А именно **ОАЭ** и **КСА**, которым в рамках представленного анализа противопоставлялся Катар. Политика блока ОАЭ-КСА оценивалась турецкими аналитиками как «путчистская» (*darbeci*). Стремясь к сохранению существовавшего до начала арабской весны регионального порядка, в целях поддержания стабильности режимов, часто называемых в турецких материалах авторитарными и деспотичными, данные государства проводили в регионе политику, характеризованную турецкими специалистами как ревизионистская, интервенционистская и экспансионистская. Такого рода курс в первую очередь был направлен против качественных изменений в рамках региональной системы международных отношений, начавшихся с активизацией процессов арабской весны. В контексте этого ОАЭ и КСА являлись основными и наиболее последовательными союзниками Х. Хафтара в Ливии, фигура которого представлялась турецким наблюдателям лишь инструментом для поддержания выгодного «климата» в регионе. В материалах SETA выделялся ряд основных мотивов деятельности данных стран, в том числе: стремление обезопасить свои политические

режимы на фоне растущего регионального народного сопротивления; идеологическое противостояние в контексте распространения радикально-исламистских политических элементов, в первую очередь деятельности «Братьев мусульман», как было в случае с Египтом; а также борьба за региональное лидерство в контексте активизации региональных акторов, в том числе Турции (Ataman, Karaduman 2020, 12). Все это дополнялось также рядом более практических целей, а именно отмечалась роль Ливии как важного элемента портовой цепи в регионе и одного из основных обладателей запасов энергоресурсов и его экспортёра. А также факт способствования нестабильности в Ливии ее инструментализации в качестве платформы для реализации нелегальной финансовой и экономической деятельности стран Залива. Таким образом, турецкие авторы полагают возможным, что для союза Эр-Рияда и Абу-Даби первостепенным является не достижение стабильности и порядка в Ливии, а создание условий управляемой нестабильности. При этом отмечалось, что для ОАЭ и КСА также важным является действовать в русле интересов своих союзников в лице США и Израиля, которые создали благоприятную среду для роста влияния заливных монархий в арабском мире. Подчеркивалась нерегулируемость и неподотчётность действий монархий международными институтами и правилами, их склонность к использованию широкого внешнеполитического инструментария, от прямого финансового и военно-технического обеспечения до дискредитации в медийном пространстве и кибератак. Все это дополнялось указанием на мно-

гочисленные факты оснащения армии Х. Хафтара современными технологическими вооружениями в условиях ограниченных возможностей ливийского ВПК.

К данной группе стран в широком понимании также причислялся Египет, который использовался блоком ОАЭ-КСА в качестве моста и примера благоприятных изменений в регионе. В целом деятельность данного блока в Ливии оценивалась турецкими исследователями как дестабилизирующая, что ведет к взаимной критике, особенно на фоне активизации действий Турции и ее жесткого неприятия со стороны Залива. Блоку ОАЭ-КСА в регионе Персидского залива Турция противопоставляла Катар, отношения с которым в последние годы имели для неё исключительно положительную динамику развития. В том числе и по вопросу Ливии, где обе страны в числе немногих поддерживали ПНС и разделяли общие взгляды на вопросы политического урегулирования кризиса.

Стоит также отметить то, как турецкими экспертами характеризовалась позиция **Российской Федерации** по ливийскому кризису, которой как нестранно уделялось меньше внимания, нежели указанным выше государствам Европы и БВСА. В целом можно говорить о том, что Россия чаще всего упоминалась в контексте блока стран, оказывавших активную поддержку Х. Хафтару, в особенности посредством деятельности российской ЧВК «Вагнер». В данном контексте РФ рассматривалась наравне с такими странами, как Франция и ОАЭ. При этом турецкими исследователями было принято считать, что Россия в Ливии, как и в Сирии стреми-

лась заполнить вакуум влияния, образовавшийся на фоне снижения активности ЕС и США в регионе, однако сделать это с меньшими затратами, чем в сирийском случае (Duran, Ataman 2020, 162). Однако турецкими экспертами отмечалась важность сохранения Россией каналов связи с подавляющим большинством ливийских акторов периода после Каддафи. Это позволило ей также осуществлять посреднические функции, как например, в случае со встречей в Москве в январе 2020 г., предшествовавшей первой Берлинской конференции. К тому же не упускались из внимания и геополитические интересы России в Восточном Средиземноморье, а также желание РФ сохранить энергозависимое положение европейских стран, в контексте чего Ливия играет значимую роль.

Еще меньше внимания в контексте анализа ливийской ситуации уделялось политике **США** ввиду того, что Вашингтон изначально не занял позицию, которая позволила бы ему стать решающим элементом системы ливийского урегулирования на фоне общего снижения вовлеченности в дела региона после арабской весны. Однако это не отменяет факта того, что США не хотят предоставлять пространство для маневра в Ливии таким игрокам, как России и Франции, например (Duran, Ataman 2020, 136). В этом контексте США использовалась позиция таких стран как ОАЭ и КСА для поддержания наиболее благоприятного распределения сил в стране. При этом США, с одной стороны, поддерживали отношения с Х. Хафтаром, а с другой, пытались уравновесить Россию и Францию, которые также делали ставку на ливийского военачальника. Хотя данный под-

ход содержал серьезные противоречия, можно предположить, что в данном контексте балансирующая роль Турции не станет рассматриваться США в качестве проблемы. В целом среди турецких исследователей было распространено мнение о том, что внешние акторы и их политика несбалансированного вмешательства стали основным катализатором продолжения нестабильности в Ливии. Это было связано с тем, что турецкие исследователи характеризовали роль внешних акторов как источник поддержки ополченцев, не обладающих иными финансовыми и военными ресурсами, необходимыми для вовлечения в масштабный конфликт.

Заключение

Анализ рассуждений исследователей SETA о роли и характере участия внешних акторов в ливийском конфликте позволяет выявить особенности геополитических представлений турецкого политического истеблишмента, непосредственно связанного с центрами принятия и выработки решений в области реальной политики в отношении Ливии.

В период 2011-2014 гг. роль Турции в ливийском конфликте была не столь заметна, а её политика на этом направлении носила не столь активный характер, как после начала Второй гражданской войны, что во многом стало результатом сочетания группы факторов, среди которых не последнюю роль сыграло то, что течение длительного периода времени в турецком геополитическом воображении Ливии практически не существовало. В публичном научном и общественно-политическом дискурсе Турецкой Республики расположенная к ней

географически очень близко Ливия находилась в забвении с тех пор, как североафриканские владения Османской империи были окончательно утрачены ею.

Несмотря на то, что присутствие турецкого государства, бизнеса и гражданского общества в различных сферах общественной жизни Ливии, её реальном секторе экономики, сфере безопасности и управления, последовательно возрастало с 1990-х гг., в научном и аналитическом сообществе Турции не сформировалось ни когорты профессиональных исследователей и аналитиков, ни профильных центров и организаций.

Стремясь не только сохранить и нарастить свое экономическое присутствие в Ливии, но и увеличить свое политическое влияние в Северной Африке после арабской весны, турецкое руководство нуждалось не только в аналитическом обеспечении своих внешнеполитических инициатив и предприятий, но также в их информационно-пропагандистском сопровождении. В целях легитимации в глазах общественности новых усилий государственных структур на этом направлении, потребовавших значительного увеличения ресурсов и рисков, такие фабрики мысли, как SETA, оказались крайне востребованы и незаменимы. Это обстоятельство сделало материалы SETA перспективным объектом историографического исследования, направленного не только на реконструкцию внешней политики Турции, но и более широкую тему изучения процессов выра-

ботке, принятия и имплементации внешнеполитических решений внутри самой Турции, чья общественно-политическая система характеризуется высоким уровне развития культуры политического участия и плюрализмом мнений.

Период активного освящения вопроса роли внешних акторов в ливийском конфликте (после 2019 г.) в материалах SETA был обусловлен переосмыслением места Ливии во внешнеполитической модели и ростом непосредственного вовлечения Турции в ливийский конфликт, который неизбежно привел к столкновению турецких интересов с целями других иностранных государств. Безальтернативная поддержка Турцией ПНС⁵, а затем пришедшего в 2021 г. на его замену ПНЕ⁶ в то время, как остальные иностранные государства придерживались более гибкого подхода в отношении основных сторон конфликта ограничивает возможность достижения Турцией поставленных в Ливии целей при осуществлении альтернативных сценариев развития ситуации в Ливии (приход к власти Х. Хафтара). В то же время приоритетный для Турции вопрос разграничения морских границ в Восточном Средиземноморье и возможность использования энергетического потенциала региона исключает возможность согласования турецкой позиции с политикой подавляющего большинства иностранных государств в Ливии.

Основной тезис, выдвинутый турецкими исследователями в отношении политики внешних акторов в Ливии — о деструктивном

⁵ Правительство национального согласия

⁶ Правительство национального единства

характере их политики и пренебрежении реальным урегулированием конфликта направлен на усиление позиций Турции как основного внешнего актора в ливийском конфликте.

Список литературы

1. Kanbolat H., Karasar H.A. Türkiye'de Stratejik Düşünce Kültürü ve Stratejik Araştırma Merkezleri: Başlangıcından Bugüne Türk Düşünce Kuruluşları. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2009.
2. Ustun K., Kanat K. Shaping Foreign Policy Debates in Turkey: The SETA Foundation for Political, Economic, and Social Studies. Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers. Ed. By J. G. McGann, 2019, pp. 405 – 417.
3. Babur M. M. Türkiye’de Düşünce Kuruluşları: Politik Bilginin Çeşitliliği, İmkânı ve Sınırlılıkları. Mülkiye Dergisi, 2022,46 (1). pp. 163-201.
4. McGann J. G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports., 2021.
5. Gürpınar B., Aydın Ö. The Uniformization of Think Tanks in Turkey: The Foundation for Political, Economic, and Social Research (SETA) as a Case Study. SAGE Open, 2022, 12 (1). pp. 1-13.
6. Кудаяров К. А. Деятельность Фонда экономических и социальных исследований Турции SETA. Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2023; 3. С. 118–129.
7. SETA. Anasayfa. 2023. <https://www.setav.org/> (дата обращения: 14.01.2024).
8. SETA. Kadromuz. 2023. <https://www.setav.org/kadromuz/?sayfa=1/> (дата обращения: 14.01.2024).
9. SETA. YücelAcer. 2023. <https://www.setav.org/yazar/yucel-acer/> (дата обращения: 14.01.2024).
10. SETA. EmrahKekilli. 2023. <https://www.setav.org/yazar/emrah-kekilli/> (дата обращения: 14.01.2024).
11. Istanbul Medeniyet Üniversitesi. Veysel Kurt. 2023. <https://ubys.medeniyet.edu.tr/ABPDS/AcademicInformation/BilgiGoruntulemev2/Index?pid=!xDDx!SDDwn73KYBsN5nrB3jbKg!xGGx!!xGGx!> (дата обращения: 14.01.2024).
12. SETA. MuratAslan. 2023. <https://www.setav.org/yazar/murat-aslan/> (дата обращения: 14.01.2024).
13. Arin K. Turkish Think Tanks, The AKP’S Policy Network From Neo-Gramscian and Neo-Ottoman Angles. Center for Turkish Studies Occasional Paper Series. 2015, 4 (1). pp. 1-22.
14. Özkan B. SETA: from the AKP’s organic intellectuals to AK-paratchiks. Turkey’s New State in the Making: Transformations in Legality, Economy and Coercion. Ed. By P. Bedirhanoglu, Ç. Dölek, F. Hülagü, Ö. Kaygusuz, 2020, pp. 226-243.
15. Ağirel M. Sarmal. Istanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2021.
16. Kekilli E. Öztürk B. Turkey’s Position in the Libyan Crisis. Insight Turkey, 2020. 22 (2). pp. 53-62.
17. Ataman M., Karaduman A. M. Analiz: BAE ve

- Suudi Arabistan'ın Libya Krizine Müdahalesi: Halkın İradesine Darbe Siyaseti. SETA, 2020.
18. Boyraz H. M. Perspektif: İngiltere'nin Libya Politikası. SETA, 2020.
 19. Meşe Z. Perspektif: Berlin'deki Libya Konferansı Işığında Almanya'nın Dış Politika Geleniğine Dönüşümü. SETA, 2020.
 20. Güngörmez O. Perspektif: İtalya'nın Libya Politikası. SETA, 2020.
 21. Faytre L. Perspektif: Fransa'nın Libya Politikası. SETA, 2020.
 22. Alkanat A. Perspektif: Avrupa Birliği'nin Libya Politikası. SETA, 2020.
 23. Libya Krizi: Bölgesel ve Küresel Aktörlerin Politikaları. Ed. By Duran B., Ataman M. İstanbul: SETA, 2020.
- ## References
1. Kanbolat H., Karasar H.A. Strategic Thought Culture and Strategic Research Centers in Turkey: Turkish Think Tanks from the Beginning to Today. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2009. (In Turk.)
 2. Ustun K., Kanat K. Shaping Foreign Policy Debates in Turkey: The SETA Foundation for Political, Economic, and Social Studies. Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers. ed. By J. G. McGann, 2019, pp. 405 – 417.
 3. Babur M. M. Think Tanks in Turkey: Diversity, Possibility and Limitations of Political Knowledge. Mulkiye Magazine, 2022, 46 (1). pp. 163-201. (In Turk.)
 4. McGann J. G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports., 2021.
 5. Gurpinar B., Aydin Ö. The Uniformization of Think Tanks in Turkey: The Foundation for Political, Economic, and Social Research (SETA) as a Case Study. SAGE Open, 2022, 12 (1). pp. 1-13.
 6. Kudayarov K. A. Activities of the SETA Foundation for Economic and Social Research of Turkey. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Eurasian Studies. Story. Political science. International relationships". 2023; 3. pp. 118-129. (In Russ.)
 7. SETA. Homepage. 2023. <https://www.setav.org/> (accessed: 14.01.2024). (In Turk.)
 8. SETA. Ourstaff. 2023. <https://www.setav.org/kadromuz/?sayfa=1/> (accessed: 14.01.2024). (In Turk.)
 9. SETA. Yücel Acer. 2023. <https://www.setav.org/yazar/yucel-acer/> (accessed: 14.01.2024). (In Turk.)
 10. SETA. Emrah Kekilli. 2023. <https://www.setav.org/yazar/emrah-kekilli/> (accessed: 14.01.2024). (In Turk.)
 11. Istanbul Medeniyet University. Veysel Kurt. 2023. <https://ubys.medeniyet.edu.tr/ABPDS/AcademicInformation/BilgiGoruntulemev2/Index?pid=!xDDx!SDDwn73KYBsN5nrB3jbKg!xGGx!!xGGx!> (accessed: 14.01.2024).
 12. SETA. Murat Aslan. 2023. <https://www.setav.org/yazar/murat-aslan/> (accessed 14.01.2024). (In Turk.)
 13. Arin K. Turkish Think Tanks, The AKP'S Policy Network From Neo-Gramscian and Neo-Ottoman Angles. Center for Turkish Studies Occasional Paper Series. 2015, 4 (1). pp. 1-22.

14. Özkan B. SETA: from the AKP's organic intellectuals to AK-paratchiks. Turkey's New State in the Making: Transformations in Legality, Economy and Coercion. ed. By P. Bedirhanoglu, Ç. Dölek, F. Hülügü, Ö. Kaygusuz, 2020, pp. 226-243.
15. Ağirel M. Sarmal. Istanbul: Kırmızı Kedi Yayinevi, 2021. (In Turk.)
16. Kekilli E. Öztürk B. Turkey's Position in the Libyan Crisis. Insight Turkey, 2020. 22 (2). pp. 53-62.
17. Ataman M., Karaduman A. M. Analysis: UAE and Saudi Arabia's Intervention in the Libya Crisis: Politics of a Blow to the Will of the People. SETA, 2020. (In Turk.)
18. Boyraz H. M. Perspective: Britain's Libya Policy. SETA, 2020. (In Turk.)
19. Meşe Z. Perspective: Germany's Foreign Policy Tradition and Transformation in the Light of the Libya Conference in Berlin. SETA, 2020. (In Turk.)
20. Güngörmez O. Perspective: Italy's Libya Policy. SETA, 2020. (In Turk.)
21. Faytre L. Perspective: France's Libya Policy. SETA, 2020. (In Turk.)
22. Alkanat A. Perspective: European Union's Libya Policy. SETA, 2020. (In Turk.)
23. Libya Crisis: Policies of Regional and Global Actors. ed. By Duran B., Ataman M. Istanbul: SETA, 2020. (In Turk.)

Сведения об авторах

Лукьянов Григорий Валерьевич

Институт востоковедения Российской Академии Наук
gvlukyakov@gmail.com

Кулиева Нубара Салман кызы

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики

Information about the authors

Grigory V. Lukyanov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
gvlukyakov@gmail.com

Nubara S. Kuliyeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024